

Тао Тин размышлял, как бы получше ответить, но даже если бы он и думал иначе, высказываться было не в его интересах. Он лишь сказал: «Уже много лет не вижу представителей Усадьбы Мечного Сияния на подобных собраниях».

— Усадьба Мечного Сияния заняла место Школы Небесного Меча и теперь задаёт тон. Нашим людям тоже стоит показаться, чтобы о нас не забыли, — Лу Чэньби похлопал себя по колену, окинул взглядом сидящих и вдруг спросил:

— А где же старший сын?

— Фэйгуан сидит с товарищами по школе. Молодёжи всегда есть о чём поговорить, — ответил Тао Тин.

Лу Чэньби взглянул на молчаливого наставника и учеников из Дворца Изначального Хаоса и усмехнулся:

— Значит, просто не здесь. А я-то думал, старший сын так занят делами, что и поесть забыл.

Слуги пододвинули стул к Лу Чэньби. Мэй Ушуан, внимательно разглядев Се Суна, спросил, откуда тот взялся.

— Я и сам не знаю, надо у бабушки спросить, — отозвался Лу Чэньби и велел Се Сунгу накладывать ему еду.

За обедом все, кто подходил с тостами к Лу Чэньби, получали ответ от Се Суна, который выпивал за него. Лу Чэньби изредка перекидывался словами с Мэй Ушуаном, а Тао Тин сначала беседовал с женой, но под конец вступил в разговор с Фэн Чжэньяном и Почтенным Линъюнем.

Лу Чэньби скользнул взглядом по новой жене, молчаливо вкушавшей яства, и усмехнулся про себя. Затем он похлопал Се Суна по плечу, велел тому разделать краба.

К вечеру Се Сун изрядно набрался, и когда он попытался помочь Лу Чэньби сесть в паланкин, тот оттолкнул его.

— От тебя перегаром разит, отойди, — буркнул Лу Чэньби и позволил Цинь Шуан помочь себе в паланкин.

Се Сун понюхал рукав и пробормотал:

— Я ничего не чувствую.

Лу Чэньби, уже сидя внутри, откинул занавеску и, глядя на него, сказал:

— Видно, совсем угорел, коли даже запаха не чувствуешь.

Се Сун что-то невнятно пробурчал в ответ. Лу Чэньби не расслышал:

— Ты теперь и в лицо мне грубить смеешь?

— Нет! — поспешно отозвался Се Сун.

Лу Чэньби фыркнул и, не покидая паланкина, спросил:

— А чего это ты сегодня за мной стоял, будто вкопанный?

Се Сун на мгновение опешил, не поняв намёка. Лу Чэньби же решил, что тот просто пьян в стельку, и, покачав головой, усмехнулся:

— И зачем я с пьяным лбом разговариваю.

Се Сун, собиравшийся сказать, что просто не знал, куда идти, проглотил слова.

Пусть уж лучше думает, что он пьян. Чем признаваться, что заблудился, да ещё и стать посмешищем.

Вернувшись во двор, Се Сун отправился в свою комнату, а Лу Чэньби позволил Цинь Шуан помочь с умыванием.

— Где ты сегодня сидела? — спросил он, подперев голову рукой.

Цинь Шуан, выжимая полотенце, улыбнулась:

— Среди учеников. Старший сын Тао Тина тоже за нашим столом был.

— Что ж, у Тао Тина хватило ума понять, что ты не простая служанка, — Лу Чэньби помолчал, затем добавил:

— О чём болтали?

— Да так, обычные шутки между братьями по школе, — ответила Цинь Шуан, вытирая ему руки. Она опустила полотенце в таз и спросила:

— Вы сегодня вечером хорошо поели? Может, чего ещё приготовить?

— Нет, я наелся. Крабы были отменные, съел чуть больше обычного, — Лу Чэньби вдруг вспомнил о Се Суне и добавил:

— Приготовь-ка ему чего от похмелья, он сегодня здорово нагрузился.

Цинь Шуан кивнула.

Уложив Лу Чэньби, она сварила отрезвляющий отвар и отнесла его в комнату Се Суна. Тот только что помылся, и волосы его были ещё влажными.

— Госпожа Цинь, — увидев её с чашкой, Се Сун поспешил впустить её.

Цинь Шуан, переступив порог, улыбнулась:

— Господин уже отдыхает, велел передать вам это, чтобы завтра голова не трещала.

Се Сун принял чашку и принялся благодарить. Провожая её к двери, он сказал:

— Сегодня за столом господин немало крабов съел. Если будет время, приготовьте ему что-нибудь согревающее, для желудка.

Цинь Шуан нахмурилась:

— А много он съел?

— Трудно сказать. Всё время кто-то с тостами подходил, а я разделявал крабов, и их тут же уносили, — Се Сун попытался прикинуть, но точного числа не назвал.

Цинь Шуан вздохнула:

— Пожалуйста, впредь присматривайте за ним. У господина желудок слабый, холодную пищу ему много нельзя, — и, пробормотав ещё пару слов себе под нос, удалилась.

До открытия Съезда мастеров ушу оставалось пять дней. Дела у Лу Чэньби не было, и он то и дело вертелся перед Се Сунгом, припоминая историю со ставками на его счёт. Се Сун и без того нервничал, а после таких намёков готов был забыть про еду, лишь бы больше тренироваться.

Съезд проходил раз в два года. Школа Небесного Меча хоть и присутствовала, но сам Се Сун никогда не участвовал. Каждый раз, когда он спрашивал наставника о причине, тот отвечал, что важнее сосредоточиться на учёбе.

А Школа Небесного Меча на Съезде была, по сути, для галочки — изредка выставляла младших учеников, которые обычно вылетали в первом же раунде.

Рассказывая об этом, Лу Чэньби строил странные гримасы. Он листал книгу и допрашивал Се Суна:

— И о чём только ваша Школа Небесного Меча думает? Вы сильные или нет? Всего-то пять раундов, а вы за последние двадцать лет ни разу дальше третьего не проходили.

Се Сун не находил, что ответить, но когда речь заходила о Стиле меча Небесной Глубины, упёрся как баран: это, мол, лучший стиль в Поднебесной.

— Ты сказал — лучший, значит, лучший? Лучший стиль, лучшая школа, а мастера боевых искусств я что-то не припоминаю, — Лу Чэньби, сидя в кресле, смотрел, как Се Сун стоит на руках у стены.

Тому было не до споров. — Я с тобой на эту тему не разговариваю, — отрезал он.

Но Лу Чэньби не отставал, требуя внятного ответа. Когда Се Сун уже мысленно взывал к Цинь Шуан о помощи, раздался голос:

— Шестёрка, это ты чем занимаешься?

Лицо Лу Чэньби мгновенно переменилось. Он развернул кресло и увидел седовласую старушку, подходившую в сопровождении Цинь Шуан.

Лу Вань, несмотря на морщины и седину, держалась прямо, а волосы её были убраны безупречно и закреплены золотой шпилькой.

Молодость миновала, но в её чертах всё ещё угадывалась былая красота.

Лу Чэньби почтительно поздоровался:

— Бабушка.

Се Сун опустил ноги со стены и поклонился:

— Почтенная госпожа Лу.

Старушка кивнула Се Сунгу, затем нахмурилась, глядя на Лу Чэньби:

— Почему без ручной жаровни? Заболеешь — что тогда?

— Да ещё только октябрь, какая жаровня? Я тепло одет, мне не холодно, — оправдывался Лу Чэньби.

Старушка взяла его руку, и морщины на лбу углубились:

— Говоришь, не холодно, а рука ледышка.

Цинь Шуан шагнула вперёд:

— Я провожу господина в покои.

Старушка кивнула.

Се Сун хотел было помочь подтолкнуть кресло, но Лу Вань остановила его:

— Остайся. Мне с тобой поговорить надо.

Лу Чэньби взглянул на бабушку, будто хотел что-то сказать, но промолчал и позволил себя увезти.

Лу Вань указала на стул:

— Присаживайся.

Се Сун опустился на круглый табурет. Служанка подала чай, но он не решался притронуться. Старушка спросила:

— Как поживаешь в последнее время?

— Всё хорошо, благодарю за заботу, — честно ответил Се Сун.

Лу Вань продолжила:

— А где твой меч? Неужто потерял, коль даже не носил его, с которым, как говорил, и жизни не жаль?

В своих покоях Лу Чэньби сидел на стуле, сняв обувь и носки. Босые ноги его покоились на деревянной подставке.

Цинь Шуан вошла с деревянным тазом. Лу Чэньби, учуяв запах лекарства, нахмурился и заглянул внутрь. Тёмный отвар слегка колыхался, отражая его лицо.

— В этом году так рано начали? — Лу Чэньби опустил ноги в таз, сморщился и шикнул от холода.